

84
П67

КР 1534 988

*Россия. Русь!
Храни себя, храни.*

Поэтический
**АЛЬМАНАХ
ВОЛОГОДСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-КРАЕВЕДОВ**

Вологда
2021

*Открытый литературно-краеведческий конкурс
«Тихая моя родина»*

Номинация КРАЕВЕДЕНИЕ

Валерий КУМЗЕРОВ
г. Череповец

Краевед, член Сямского землячества, член РОО «Вологодский Союз писателей-краеведов», исследователь жизни и творчества В. А. Гиляровского.

С РУБЦОВЫМ ПО ЖИЗНИ

Москва. Далёкий 1974 год. Первокурсников факультета общественных профессий приветствует Юрий Мефодьевич Соломин, декан на общественных началах. Его герой, разведчик Кольцов в фильме «Адъютант его превосходительства», принёс Соломину популярность. Актовый зал института был полон.

Напутствие декана запомнилось укором аудитории в равнодушии к поэзии и откровением:

-Думаю, мало кто из вас знает стихи Николая Рубцова, любимого мною поэта.

Мой сосед тут же получил толчок в бок:

- А у меня на полке в доме студентов стоит книжечка стихов Рубцова.

Коллега промолчал, но вечером пришёл за книгой.С того дня сборник «Зелёные цветы» пошёл по рукам и уже не вернулся на мою полку. Жалеть не стал, наоборот, было приятно, что его стихи по душе многоликому и даже разноязычному студенчеству.

А сам покупал всякий новый сборник Рубцова и дарил друзьям в дни рождения.

В те годы моё поколение заслушивалось песнями Высоцкого. Кумир того времени, артист, эстрадный исполнитель песен, Владимир Высоцкий был вне критики молодёжи. Поэты того времени существовали отдельно от него. Есть Высоцкий и есть другие поэты. Высоцкий напевался каждый день, а стихи других поэтов читались, слушались под соответствующее настроение.

Прошли годы и годы, двухтомник Высоцкого раскрывается всё реже, старые и так знакомые слова песен всё меньше трогают, волнуют; даже в тех случаях, когда воспоминаниями о молодости пытаюсь вызвать прежний эмоциональный настрой.

Желание осмыслить и понять для себя, что же хранится в уголках моей души и что созвучно мне теперь в поэзии Рубцова и Высоцкого, пришло в голову после прочтения на Прозе.ру текста Валерия Таирова, где любимые им строчки стихов обоих поэтов, чередуясь, следуют друг за другом.

Я же в рецензии на воспоминания Таирова отдал предпочтение Рубцову. Даже пожалел при этом, что потускнел образ кумира молодости. Теперь стихотворный язык Рубцова воспринимался и растворялся в

сознании как нечто естественное, соответствующее геному, биологической информации, присущей именно мне. Стала понятна мысль поэта, «...что стихи сильны и долговечны тогда, когда они идут через личное, через частное, но при этом нужна масштабность и жизненная характерность настроений, переживаний, размышлений», чего так не хватает в молодости.

А Рубцов в 1960 году, пройдя по жизни всего 24 года, в стихотворении «Утро утраты», на мой взгляд, поднимается до уровня Достоевского, раскрывая душевное состояние человека, переживающего тяжелейшую жизненную утрату.

Полубессознательное состояние, одиночество, безучастность и непонимание окружающего бытия... Понимаешь реальность такого состояния, только поживши и переживши горечь утрат и поражений.

Человек не рыдал, не метался
В это утлое утро утраты,
Лишь ограду встряхнуть попытался,
Ухватившись за копыя ограды...

Вот прошел он.
Вот в черном затоне
Отразился рубашкою белой,
Вот трамвай, тормозя, затрезвонил,
Крик водителя: —
Жить надоело?!

Было шумно, а он и не слышал.
Может, слушал, но слышал едва ли,
Как железо гремело на крышах,
Как железки машин грохотали...

Было утро дождя и металла,
Было утлое утро утраты...

В 60-е годы ходил по тем же улицам Вологды, что и Рубцов, но не знал о нём ничего, не знал его поэзии. Его стихи печатались в основном в заводских многотиражках Ленинграда, в городских и районных газетах Вологодской области. А чтобы в них напечататься, Рубцов принимал условия редакций, правил стихи. Содержание его стихов не вписывалась,

как теперь говорят, в редакционную политику, не было в них восхваления партии, восхищения грандиозностью свершаемого. Не будь поддержки вологодских писателей и поэтов, жизнь Рубцова была бы ой как тяжела.

Воспитанник детского дома, не умеющий лицемерить, подлаживаться под сильных, Рубцов дважды отчислялся из Литературного института, бесприютно 30 лет скитался по чужим углам, но не озлобился на жизнь.

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напьюсь,
Как зверь вечерний!

Не винил в своих проблемах окружающих, без обиды, понимая свою вину, с уважением относился к ректору института.

Мы сваливать не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет - тот и правит,
Поехал - так держись!

«Учитесь, соотечественники, у поэта Рубцова не проклинать жизнь, а облагораживать ее уже за то, что она вам подарена свыше, и живете вы на прекрасной русской земле, среди хорошо Богом задуманных людей. Я это говорю к тому, что в последние годы осатанение, охватившее Россию, проникло и в светлое окно поэзии. Ослепленные злостью, люди пишут нескладные, лишённые чувства и нежности стихи, облаивающие все и всех».

В. Астафьев «Затеси». «Из тетради о Николае Рубцове»

В то же время поэзия Рубцова полна печали и грусти, тоски по самым различным поводам и причинам. Поэт сожалеет об ушедшей Руси, неустроенности современной жизни:

С моста идет дорога в гору.
А на горе - какая грусть!-
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.

Отсюда, от боли за страну, его крик-призыв: «Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Велик и неповторим Рубцов многими стихами. Такие и его «Журавли». Смысловая глубина, поэтическая гармония, красота описываемого действия и захватывающее предчувствие невозможной утраты поразительны. Уже первая строка вызывает восхитительную жуть.

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...

Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...

Удивила и запомнилась в сущности простая, без зауми, и тем самым необычная для критика, прочитанная много лет назад оценка последнего четверостишья, высказанная литературоведом, критиком и публицистом Вадимом Кожинным: «...как-то трудно представить себе, что еще лет десять назад эти строки не существовали, что на их месте в русской поэзии была пустота».

А эти философские, поразившие меня своей естественной обыденностью, но постоянно ускользающие в сознании строки как-то выписал в свой блокнот:

Село стоит
На правом берегу,
А кладбище -
На левом берегу.
И самый грустный все же
И нелепый
Вот этот путь,
Венчающий борьбу.

Неверно было бы думать, что поэзия Рубцова сводится только к грустному и печальному.

«Особенно люблю темы родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удали.» - писал о себе Рубцов. Стихи ранней молодости бесшабашны, хулиганисты, весёлы, будущее видится безоблачным, наполненным свободой:

Нахлобучив «мичманку» на брови,
Шёл в театр, в контору, на причал.
Полный свежей юношеской крови,
Вновь, куда хотел, туда и мчал...

Казалось, здоровье и силы молодости неисчерпаемы и не беда, что иногда в весёлых загулах пролетают дни. Времени хватит на всё. Не про себя ли у него этот стих?

Взяли ковш, большой и примитивный:

- Выпей с нами, смелая душа! —

Но вот проза жизни. После службы на флоте жизнь круто взялась за поэта. Скитание по чужим углам, проблемы с публикацией стихов, безденежье. Волей-неволей приходилось гордому человеку, каким был Рубцов, обращаться к друзьям за помощью.

«Серёжа, я здесь оказался совсем в «трубе». На Устье у меня потерялись или изъязлись кем-то последние гроши... Сильно неудобно перед людьми в этой избе, тем более, что скоро праздник. Может быть, поскольку я уже подготовил материал, Каленистов может послать мне десятку...» (Из письма С.Багрову. С. Багров «Портреты»)

Не так их много, но они есть – стихи, по которым чувствуется стремление Рубцова уйти от темы грусти и смерти.

Привет, Россия — родина моя!

Как под твоей мне радостно листвою!

И пенья нет, но ясно слышу я

Незримых певчих пенья хоровое.

И совсем откровенно, как будто даже с отчаянием гонит прочь грусть-печаль:

Уходите, мои печали,

Приодетые хулиганы...

Откричали, отвеличали,

Не надо, не надо, не надо,

Не надо нам скорби давно!

Но поэт оказывается одиноким со своими, непонятными для многих, тревогами и печальями.

Друзья были, но не было общей жизни, единой цели, были рядом, но сами по себе, не понимали происходящего, не печалились, не тревожились за будущее Вологды, страны. Только он один слышит печальных предвестников будущего.

Печальная Вологда дремлет

На темной печальной земле,

И люди окраины древней

Тревожно проходят во мгле...

На темном разезде разлуки

И в темном прощальном авто

Я слышу печальные звуки,

Которых не слышит никто...

«Вот человек, — сказал себе Маленький принц, продолжая путь, — вот человек, которого все стали бы презирать — и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе».

Маленький принц вздохнул.

«Вот бы с кем подружиться, — подумал он еще».

Вот именно дружба с такими людьми, «думающими не только о себе», такая дружба могла спасти от одиночества и безвременной гибели Рубцова, но таких людей в его окружении не было вообще или было очень немного.

«...- А, где же люди? — вновь заговорил Маленький принц. — В пустыне все-таки одиноко...»

- Среди людей тоже одиноко, — заметила змея...» (Антуан де Сент-Экзюпери)

Были литературные кружки, клубные встречи и диспуты друзей-единомышленников. Были, конечно, были, и мы это хорошо знаем. И не все заседания сводились к посиделкам за стаканом вина, а потом к упрёкам Рубцова за пьянство.

В то же время официальные писательские организации были заражены формализмом, бюрократизм же не принимался душой Рубцова. Рассказывают, на одном из заседаний писатели докладывали о своих творческих планах, а Николай Михайлович резко ответил, что его творческий настрой не укладывается в бюрократические рамки.

Средний человек озабочен тем, как бы ему убить время, человек же талантливый стремится его использовать.

Вспоминают, что Рубцову хорошо писалось в Николе. А почему? Всё очень просто. Там не было собутыльников. Людей, подпитывающихся от Рубцова, людей, навязавшихся к нему в друзья просто из-за его способностей, величины. «Как же, - скажет иной,- я знаком с Колькой Рубцовым, не один раз выпивали».

Муки и метания от одиночества среди людей. Рубцов – Чацкий его горе от ума, от непонимания его окружающими. Пишут, тяжёл, мол, Коля в общении – замкнётся и молчит или молча отойдёт в сторонку. А чтобы встать вровень с собутыльниками, ему было нужно напиться. Человек любит и ненавидит одиночество, т.е. общество самого себя, в зависимости от своей внутренней ценности.

Короля делает свита. Не смогли вологодские интеллектуалы сбегать от поэта. Пытались, пытались многие и неоднократно поддержать его, но от случая к случаю, неумело, когда позволяло время, не понимая его,

каждый по-своему. Кто-то предложит выпить по-культурному, другой позовёт на рыбалку, третий, как Виктор Астфьев, будет по-отечески строг:

«... Я улетел по делам в Москву и, когда вернулся, спросил у Вити Коротаяева насчет Коли.

– Гуляет наш гений, – с огорчением сообщил Витя. – Все еще новоселье справляет...

Я пошел на улицу Яшина, поднялся на пятый этаж...

Вокруг стола сидела разношерстная компания на стульях, на диване, на полу. Были тут уже законченные алкаши из журналистов, выгнанные из дому женами...

На межэтажной площадке я обернулся. Коля стоял, опершись на брус лестницы, и, видел я, хотел меня окликнуть, да не смел.

– Что смотришь? – спросил я. – Все в мальчика играешь? Все придуряешься? Ты же знаешь, что я – артист похлеще тебя, и мне все эти фокусы давно известны. Ты чего ж это так варварски обращаешься со всем, что тебе Бог дал и дает? Ты чего дарование-то Господне под ноги бросаешь, грязной обувью топчешь? Удадь свою хочешь доказать, забубенность? Так ты их уже с лихвой доказал...» («Затеси». «Из тетради о Николае Рубцове»).

Коротаяевское «гений» звучит по тексту пренебрежительно. Астафьев словами «выпорол» гения, как нашкодившего мальчишку, и ушёл.

А в результате...

-Если жизнь начать сначала,

Все равно напьюсь бухой...

Непросто было нашим вологодским поэтам, писателям быть рядом с Рубцовым. На ум приходит строка из песни: «Врозь нам скучно, вместе – тесно, очень даже интересно, этого мне только не хватало!» Жил бы вдалеке Николай Михайлович, радовал стихами, приезжал бы изредка в Вологду, и всем бы было хорошо, нехлопотно.

-Где, — спрошу я, — человек

По фамилии Куняев?

И тотчас ответят хором:

- Он в Москве! Туда катись!

И внушат, пугая взором:

Гнев во мне заговорит!

И, нагнувшись над забором,

Сам покрою их позором,

Перед тем спросив с задором:

-Кто тут матом не покрыт?
Кроя наших краснобаев,
Всю их веру и родню...

Всё яснее сносно. Рубцов понимал, что вологодские писатели тяготеют общением с ним, порой избегают встреч. Напрямую, в глаза, конечно, никто ничего подобного не высказывал.

После гибели поэта всё изменилось.

Почти каждый вологодский писатель посчитал своим долгом поделиться воспоминаниями о Рубцове. Из домашних архивов вышли ранее не публиковавшиеся стихи поэта, множество историй и приключений, пережитых вместе. С каждым годом его образ становится всё ярче и понятнее для почитателей. Много страниц написано о неустроенности жизни Рубцова его современниками, но только стихи помогают понять, с каким тяжким грузом на душе он жил, ожидая и предвидя конец своей жизни с точностью до одного дня.

«Пройдут годы. Посмертная слава поэта Рубцова будет на Руси повсеместная, пусть и не очень громкая. Найдется у вологодского поэта много друзей, биографов и поклонников. Они начнут Николая Рубцова возносить до небес, издадут роскошно книги поэта. Не мечталось Рубцову такое отношение к себе при жизни. Все чаще и чаще станут называть Николая Рубцова великим, иногда и гениальным поэтом.» (В. Астафьев, «Затеси», «Новый мир», № 2, 2000).

Не ошибся Виктор Петрович, так и случилось, что не год стараниями вологодских писателей-краеведов открываются ранее неизвестные страницы жизни Николая Рубцова. С каждым годом всё больше почитателей поэзии нашего земляка. Почему? Да всё потому, сошлёмся на Пушкина, «что чувства добрые» он «лирой пробуждал».

А Владимир Высоцкий?.. Что с памятью о нём? Он в памяти людей, тоже и в этом убедится каждый полиставший страницы интернета.

Нет, исследования проводить не будем, оставим для специалистов, литературоведов, критиков, но если в годы моей юности не найти магнитофона без записи песен Высоцкого, на эстрадные выступления не достать билета, а их по всей стране, подсчитали, было до полутора тысяч; а ещё «Театр на Таганке» и кинофильмы с его участием, то сегодня до конца дослушают случайно услышанный в дорожном радио хрипловатый голос барда в основном ностальгирующие об ушедшем, люди моего поколения.

В современной молодёжной среде, мне так кажется, мало знают Высоцкого. Появились другие кумиры. Многие из них, подражая ему,

осваивают блатную тематику, хрипя, как он, но до популярности Владимира Семёновича им не дотянуться.

Не дотянуться до его многоликости – многоликости его героев: фронтовиков, спортсменов, людей героических профессий, представителей уголовной среды. Каждый находил своего героя в песнях Высоцкого и ими он был востребован.

А если говорить об общекультурном значении поэтов, то стихи и песни Высоцкого преходящи, а поэзия Рубцова вечна. Общекультурное значение творчества Высоцкого актуально для осмысления происходящего в российской действительности второй половины XX века. Тяга к песням Высоцкого была эмоциональным, неосознанным порывом в неприятии официоза того времени. Смысл и значение большинства его стихов и песен будут угасать с каждым десятилетием.

А Рубцов?

А стихи Николая Рубцова не могут устареть, не могут покинуть нас, напротив, с каждым прожитым годом нам открывается в них ранее не познанная страничка смысла личной жизни и мироздания вообще. «Годы, вы как чуткие струны: только тронешь – запоет струна». Стоит только, отринув суету, раскрыть томик Рубцова, и запоют тонкие струны души.

Теперь с годами стихи Рубцова, как пишет В. Таиров, с «терпкой грустью, ощущением скоротечности, зыбкости и красоты мира...» стали ближе и всё сильнее затрагивают душевные струны.